

М.А. ЛАППО

(Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия)

УДК 81.161.1'23
ББК Ш141.12-006

**ТВОРЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УЧАСТНИКОВ ДИАЛОГА:
КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕСЕД В.Д. ДУВАКИНА И
М.М. БАХТИНА)¹⁰**

Аннотация: В статье анализируется речевое поведение М.М. Бахтина, дающего интервью В.Д. Дувакину. Доказывается идея особой роли частичного или полного лексико-грамматического повтора в ответной реплике как маркера короткой дистанции с собеседником и внимания к его слову, а также стремления динамизировать процесс диалога.

Ключевые слова: диалог, коммуникативная стратегия, лексико-грамматический повтор, вербальный прайминг, элитарная языковая личность, Бахтин.

Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается.

М.М. Бахтин.

Проблемы поэтики Достоевского

В данной статье анализируется речевое поведение М.М. Бахтина в диалоге как пример реализации «полнофункционального типа речевой культуры» (термин О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдина). Обращение к теме элитарной языковой личности не теряет своей актуальности как по причине активных изменений в пространстве русского языка, так и в связи с обострившимся кризисом речевой культуры: мир стал не только более «тесным», доступным и открытым, но и более примитивным, полярным и прагматичным. Дискурсивные практики духовной элиты, культурного ядра социума обладают ресурсом актуализировать те или иные экзистенциальные смыслы, давать пример адекватного поведения и, как следствие, определять развитие общества на десятки лет вперед. Безусловно, все указанные способности можно отнести к

---

¹⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 14-54-00005.

творческому потенциалу языковой личности, умеющей, как минимум, произвести впечатление на адресата, а как максимум – оказать мощное влияние на его поведение и картину мира.

Речь М.М. Бахтина в беседе с В.Д. Дувакиным характеризуется основными признаками носителя элитарной речевой культуры, описываемыми в трудах русистов, а именно: а) владеет всеми литературными нормами русского языка, а отступление от нормы использует намеренно, как языковую игру; б) способен порождать и понимать тексты разной сложности; в) ему свойственна свобода в использовании разностилевых ресурсов русского языка; г) относится к куртуазной и/или рационально-эвристической языковой личности (по К.Ф. Седову); д) владеет целым рядом психологических навыков – самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тяга к знаниям.

Для анализа речевого поведения М.М. Бахтина были использованы материалы опубликованных шести устных бесед В.Д. Дувакина и М.М. Бахтина¹¹. В них Бахтин отвечает на вопросы о жизни, годах учебы и профессионального становления, работе, встречах с известными людьми. Эти беседы имеют особую ценность вследствие того, что Бахтин совершенно сознательно не оставил своих воспоминаний или мемуаров.

Материал ценен и тем, что, как известно, в теоретических концепциях М.М. Бахтина диалог занимает одну из самых важных позиций. Анализируя полифонический характер романа Ф.М. Достоевского, он пишет: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, повторяем, – не только для других, но и для себя самого» [Бахтин 1979: 294]. В бахтинской концепции диалога, «один голос ничего не решает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [там же]. Речь участников бесед будем анализировать в контексте именно этих установок.

В разговорах с Дувакиным Бахтин занимает позицию «второго» собеседника, то есть того участника диалога, к которому направлен вопрос и который имеет возможность оказать «поддерживание» или

---

¹¹ В 1973 году беседы были записаны на магнитофонную пленку. Их публикация состоялась в трех вариантах: а) в журнале «Человек»; б) в издании «Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным» (М.: Изд. группа «Прогресс», 1996); в) в издании «М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным» (М.: Изд-во «Согласие», 2002). В данной работе цитируется последнее издание.

«придерживание» речевой инициативы первого собеседника [Матвеева 2004]. Бахтин чаще всего пользуется возможностью поддержать тему разговора, предложенную Дувакиным, развивая и углубляя заданный им вопрос. В единичных случаях Бахтин проявляет инициативу («я хотел бы еще сказать относительно...») и сам задает вопросы Дувакину.

Другая стилистическая особенность поведения Бахтина как «второго» участника диалога – это частичный или полный повтор реплики «первого» участника диалога, его интервьюера Дувакина. Названную черту речевого поведения невозможно не заметить, вот как о ней говорит В. Махлин: «Бахтин, отвечая на вопрос, *обычно повторяет* за собеседником как бы механически его ударное слово; такое *поддакивание*, видимо, нужно ему как точка опоры; *повторив чужие слова*¹², он, как правило, сразу делает оговорку или даже высказывает прямо противоположное утверждение» [Махлин 2004: 10]. Обратим здесь внимание на то, что «механистичность» (непроизвольность) повтора кажущаяся, ведь Бахтин, повторив чужие слова, «сразу делает оговорку».

В когнитивной психологии такое воспроизведение синтаксической или лексической структуры, сходной со структурой фразы-прайма, при порождении речевого высказывания, относится к праймингу вербальной формы [Фаликман, Койфман 2005: 83] и описывается именно как непроизвольное действие.

О.В. Федорова, исследователь синтаксического прайминга в экспериментальных условиях, указывает, что «в современной психолингвистике существует много свидетельств того, что в ходе диалога его участники координируют свои реплики, осознанно или неосознанно подстраиваясь друг под друга» [Федорова 2002: 581]. Как мы увидим ниже в примерах, Бахтин чаще всего повторяет фразу целиком, то есть использует как лексический, так и синтаксический прайм собеседника. Иными словами, в речи Бахтина очевидна лексико-синтаксическая координация с предшествующими высказываниями.

О.В. Федорова также отмечает, что существуют «прайминг-зависимые» коммуниканты (согласующие свою реплику с воспринятой ранее синтаксическую конструкцией), прайминг-независимые (игнорирующие синтаксическую форму реплики собеседника) и коммуниканты «себе на уме» (руководствующиеся прагматическим принципом) [там же]. Поскольку в репликах Бахтина то увеличивается, то уменьшается коэффициент лексико-синтаксических повторов, его можно назвать собеседником «себе на уме» (коэффициент повторов

---

¹² Курсив мой. – М.Л.

уменьшается, если Бахтин говорит о чем-то очень личном, как бы «уходя в себя»).

Лексико-синтаксический повтор используется Бахтиным максимально широко и разнообразно: а) в качестве эхо-повторов, б) в качестве уточняющих вопросов, в) в качестве вербального материала своего ответа. Рассмотрим эти функции подробнее.

А. Повторение элемента вопроса (эхо-повторы):

(1)

*Д: ... Значит, **точная** Ваша дата рождения?*

*Б: **Точная**... 1985 год... по старому стилю 4 ноября, 17-го по новому стилю.*

(2)

Б: Преподавался польский язык.

*Д: Польский язык? А не **преследовался**?*

*Б: Не-е-ет. Ну, это все же страшные преувеличения. **Преследовался**... Он не был обязательным.*

(3)

*Д: Вот, охарактеризуйте историко-филологический факультет Петербургского университета в 1916 году. Да? 15-й, 16-й и **17-й**.*

*Б: ...и **17-й**, да. Ну, что же могу сказать? Я бы сказал, что тогда все-таки был, по-моему, расцвет как раз факультета.*

Повторный элемент может быть дистанцирован от фразы-прайма (примеры 1, 2), в этом случае, как думается, повторяется ключевой для Бахтина элемент исходной фразы. Если повторяющийся элемент расположен в непосредственной от него близости от фразы собеседника (пример 3), то он относится к повтору как *рессорной реплике*, который является средством связи реплики одного коммуниканта с высказыванием другого (об этом виде повтора см. в работе А.В. Плотниковой [Плотникова 2007: 12]).

Б. Повтор вопроса (или его части) как уточнение:

(4)

*Д: А **семью** не тронули?*

*Б: **Семью**? Нет, не тронули.*

(5)

*Д: А **лингвистические кафедры** там были?*

*Б: **Лингвистическая кафедра**? Конечно!*

А.В. Плотниковой также был выделен подобный тип повтора – повтор-переспрос, который заставляет собеседника подтвердить либо опровергнуть заданный вопрос [там же]. Чаще всего, как в диалогах 4 и 5, Бахтин не дожидается подтверждения Дувакина и сокращенно отвечает на его вопрос, экономя речевые усилия, то есть используя в

повтор-переспрос как рему для своего ответа.

В. Ответ словами интервьюера:

(6)

Д: И носил его имя? Нет?

Б: Носил его имя. Значит, вот... имени Бахтина Орловский кадетский корпус.

(7)

Д: Но уж... отец Ваш имел уже профессию?

Б: Отец имел уже профессию.

(8)

Д: Надо его [Кожина] спросить. Правда, он мне теперь не звонит.

Б: Но, правда, вот тут он продолжал свои исследования в этом направлении.. .

В примерах 6 и 7 полностью повторяется исходный вопрос интервьюера, в примере 8 мы видим повтор незначительных слов (вводных элементов).

Во фрагментах 9-11 Бахтин повторяет слово Дувакина, но с существенными для себя уточнениями, дополнениями:

(9)

Д: То есть это была большая сумма.

Б: Да, это большая, огромная сумма.

(10)

Д: Это прадед?

Б: Это прапрадед.

(11)

Д: Они [Мережковский, Гиппиус и др.] считали себя революционерами?

Б: Да, считали себя революционерами, только революционерами, не признающими насилия.

Следующий пример (12) демонстрирует словообразовательную связь слова-прайма и слова-повтора:

(12)

Д: Кошмар какой!

Б: Была ужасная, кошмарная история.

В отдельных случаях встречается изменение синтаксической конструкции (при сохранении лексического состава вопроса), например:

(13)

Д: Так, значит... Театр. Музыка. Ну, а поэты?

Б: Поэтов? Поэтов... я знал.

Здесь форма уточняющего вопроса предвосхищает структуру отве-

та Бахтина (то есть он уже строит свой ответ, но все равно предпочитает повторить использованное собеседником слово).

Важно обратить внимание на то, что даже поправляя или уточняя Дувакина, Бахтин в основном соглашается:

(14)

*Д: И учились в **Вильнюсской** гимназии?*

*Б: В **Виленской** гимназии учился, да.*

(15)

Б: Под искусственным раем он [Бодлер] понимал...

*Д: **Опьянение.***

*Б: **Состояние наркоза, да.***

В примерах 16 и 17 Бахтин использует чужое слово в своем ответе, косвенно или прямо комментируя его:

(16)

Б: Преподаватель математики, Янкович, мне тоже очень нравился, и всем очень нравился. Он был сухой, несколько сухой, но чрезвычайно такой... ну...

*Д: **Точный.***

*Б: **Логичный, точный. Главное – логичный.***

(17)

*Д: Я и заговорил об этом, потому что рассказ Виктора Борисовича [Шкловского] об университете у меня вызвал какое-то недоверие. Какое-то уж очень такое... **пристрастное**... у него...*

*Б: Да. То есть... может, **не столько пристрастное**... не знаю, как это сказать...*

В случае, если Дувакин встраивает свою реплику в развернутый монолог Бахтина (по сути, прерывая его), Бахтин все равно использует слово собеседника, пусть вначале и завершив свой план речи:

(18)

Б: И вообще, его сейчас считают одним из величайших мыслителей нового времени – Серен Киррегор. А при жизни его ни во что не ставили.

*Д: У нас его не **переводили**?*

Б: Он был большой ученый... **Переводили.** Очень мало, и не лучшее, не лучшее.

Итак, фрагменты 6-18 демонстрируют наиболее распространенный способ лексико-грамматического повтора реплик интервьюера в ответных репликах Бахтина – ответ, в котором используется вербальный материал задающего вопрос. Этот способ, с одной стороны, позволяет в целом гармонизировать взаимоотношения собеседников, становится сигналом внимательного слушания и интерпретации чужого слова, с

другой стороны, экономит речевые усилия «второго» собеседника, динамизирует процесс разговора.

К особой разновидности повтора (без его материальной выраженности) относится *имплицитный повтор*. Это такие случаи, когда вопрос и ответ становятся единым синтаксически завершенным элементом. Вопрос можно отнести к подлежащему (теме), а ответ – к сказуемому (реме) в примере 19:

(19)

Д: А кафедра русской и европейской литературы?

Б: Меня очень мало интересовала.

В следующем диалоге видим подхватывание, завершение реплики Дувакина:

(20)

Д: Собственно, «литературоведение» – теперешний термин – тогда вообще не бытовал. Были филологи по разделам: классики, индоевропейцы...

Б: ...романогерманисты... и слависты были.

Отмеченная манера беседы оказывает влияние и на «первого» собеседника, на Дувакина. Приблизительно со второй половины каждого разговора у Дувакина также появляется тенденция к полному или частичному лексико-синтаксическому повтору высказываний Бахтина (в репликах-рессорах и в уточняющих вопросах-повторах) и тенденция завершать фразы за Бахтина, например:

(21)

Б: ...Ну, одним словом, в этом отношении это и сам Блок – таков вот он был, вот, я говорю, был Блок и был «над Блоком».

Д: Ну, а вот «над Блоком»... Вы что, считает, что, скажем, первый том – «над Блоком»...?

*Б: Нужно сказать, что потом уже, конечно, когда и состав изменился и особенно когда этот театр [Московский художественный театр] ... канонизировали, провозгласили его, так сказать, эталоном для всех других театров, он **выродился совершенно**.*

*Д: **Выродился совершенно?***

Б: Выродился, да-да.

(22)

*Б: И вот Художественный театр московский я знаю не по Москве. Прежде всего в Одессе я видел. И там был весь старый состав. И, конечно, **приезжал туда...***

*Д: **Константин Сергеевич?***

Б: Константин Сергеевич.

В примере 21 Дувакин использует выражение Бахтина «над Бло-

ком» как повтор-размышление, а в примере 22 завершает начатое Бахтиным предложение, правда, в форме уточняющего вопроса, требующего подтверждения. Подобное продолжение начатой собеседником фразы характерно для бесед (при общей кооперативной направленности) очень близких людей, «с полуслова понимающих друг друга», этот феномен можно отнести к разновидности эмпатического слушания.

Речевое поведение Дувакина, подстраивающегося, хотя и не вдруг, под манеру Бахтина, позволяет точнее определить функции повтора в ответной фразе собеседника. Т.И. Попова, анализируя повтор в официальном публичном диалоге, приходит к выводу о том, что «при равноправии партнеров диалога прямой повтор реплики собеседника служит сигналом когнитивной рассогласованности их речевых действий. Повтор (лексический) реплики собеседника с изменением синтаксической структуры высказывания сигнализирует, напротив, о когнитивном согласовании речевых действий участников диалога» [Попова 2006: 442]. Анализ устного официального диалога мемуарного характера не дает таких выводов. Повторение прайм-реплик занимает важное место в структуре рассматриваемых бесед, являясь почти обязательным его компонентом именно в репликах М.М. Бахтина, и выполняет следующие коммуникативные и содержательные функции: координация реплик, динамизация беседы, создание плавности речи, актуализация ключевых смыслов, выражение эмпатии к собеседнику, знак короткой дистанции, снятие конфликтности в диалоге. В речи Бахтина уменьшение лексико-синтаксических повторов сигнализирует об определенном отстранении от собеседника и погружении в значимую для него тему. Однако это уменьшение вербального прайминга является незначительным в пространстве рассмотренного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
- Матвеева Т.В.* Управление собеседником в диалогическом речевом общении // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 4. «Власть и речь». Саратов, 2004. – С. 152-165.
- Махлин В.* Тоже разговор // Вопросы литературы. – 2004. – № 3. – С. 3–45. – (Филология в лицах). – Рец. на кн.: Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным.
- Плотникова А.В.* Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007.
- Попова Т.И.* Повтор как средство координации речевого поведения собеседников в официальном публичном диалоге // Труды международной конференции «Диалог'2006». – М., 2006. – С. 440-444.
- Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях воспри-

ятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия «Психология». – 2005. – № 4. – С. 81-90.

Федорова О.В. Синтаксическая координация в диалоге: миф или реальность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2002». – Т.1. – М., 2002. – С. 581-587.

© Лаппо М.А., 2014